

Александр Степанович Грин

Дьявол Оранжевых Вод

Александр Степанович Грин Дьявол Оранжевых Вод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274532

Аннотация

«Ингер лежал в постели, кашляя более, чем следовало. Его правая рука, бессильно свешенная с кровати, изнуренно шевелила бледными пальцами, в полузакрытых глазах сверкал лихорадочный жар, а под мышкой, достаточно нагретый лампой, торчал максимальный термометр...»

Содержание

Предварительный разговор	4
I. Встреча с дьяволом	8
II. Твердая под ногами земля	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Степанович Грин Дьявол Оранжевых Вод

«Внимай мне, – дьявол мне сказал в полночной тишине, – внимай! я расскажу тебе о горестной стране...»

Э. По

Предварительный разговор

Ингер лежал в постели, кашляя более, чем следовало. Его правая рука, бессильно свешенная с кровати, изнуренно шевелила бледными пальцами, в полузакрытых глазах сверкал лихорадочный жар, а под мышкой, достаточно нагретый лампой, торчал максимальный термометр.

Этот, внушающий сострадание, вид заставил рассмеяться вошедшего в комнату сорокалетнего человека. Движения вошедшего были резки, быстры и угловаты; лицо его, бледное и широкое, казалось бы незначительным, если бы не крутой изгиб высоко поставленных, дугообразных бровей. Он был одет в просторный, мешковатый костюм черного цвета и толстые башмаки, а в правой, унизанной старинными перстнями руке держал цилиндр.

– Это я, а не доктор, – сказал вошедший, – доктора с этим поездом не было. Так что вы, милый Ингер, можете нагреть термометр в другой раз.

Ингер усиленно заморгал, краснея и щурясь.

– Слушайте, Бангок, – сказал он, – если вы осмеливаетесь...

– Да, – перебил Бангок, – я осмелился. Я смотрел в замочную скважину. Я увидел прежде всего свою трубку, исчезнувшую непостижимым для меня образом. Трубка эта торчала у вас в зубах. Не умея курить, вы наполнили комнату дымом, уронили огонь на простыню и прожгли дырку. Дырка эта находится сейчас под мягкой частью вашего тела. Затем вы извлекли маленькое, гнусное, дешевое зеркало и пытались любоваться своим лицом, строя величественные гримасы. Потом вы совершили подлог с термометром и, наконец, услышав скрип двери, раскинулись в позе умирающего гладиатора.

– Если я выздоровею завтра, – с отчаянием сказал Ингер, – меня отошлют в город. Мы очень любим друг друга.

– Да? – Бангок упорно посмотрел на мальчика, чихнул и высморкался. – Это любопытно, – сказал он. – А где вы думаете жить после свадьбы?

– На Канарских или Молуккских островах.

– Настоящее дачное место, – заметил Бангок. – Как же вы видите?

– Она подходит к окну.

– Ингер, – сказал Бангок, – я не спрашиваю тебя о том, целуетесь вы или нет, я не спрашиваю также, съедаешь ли ты все сладкие пирожки, похищаемые для тебя твоей возлюбленной. Я спрашиваю – отдашь ли ты мне, маленький негодяй, трубку?

Ингер сунул руку под одеяло, извлек трубку и молча подал Бангоку.

– За это, – сказал он, – вы мне должны рассказать что-нибудь.

– Вот как! – заметил Бангок. – Да, – прибавил он, как будто про себя.

– Привычки бандита и Дон Жуана... далеко пойдет мальчик... Рассказать? – медленно переспросил Бангок. – О чем же хочет слушать сын своей страны? Слушай, я расскажу тебе о перестройке здания морского училища.

– Не хочу, – сказал Ингер.

– О расширении избирательных прав низших сословий...

– Тоже.

– О законе против цыган...

– Еще бы!

– О налоге на роскошь...

– Не хочу.

– О раскопках старинного римского водопровода...

Ингер обиженно замолчал.

– Ну, – посмеиваясь, продолжал Бангок, – что-нибудь о народном быте? О психологии рыжей и пегой лошади,

историю уздечки, власть чернозема и деспотизм суглинка; о предродовых болях, ткацком станке и вареном картофеле? Ты вертишь головой? Ты ничего не хочешь об этом знать?

– Да, не хочу, – свирепо отрезал Ингер.

– В такие вот хмурые осенние дни, – сказал Бангок, – и моряки любят болтнуть. Вспомнить о том, что было – приятно мне. О чем же рассказать тебе, странное существо, не интересующееся феминизмом¹ и психологией общества? Чего ты хочешь?

– Я хочу того, что вы видели, – сказал Ингер. – О пропастях, пещерах, вулканах, циклонах, каннибалах... вы сами знаете. Помните, вы рассказывали о неграх, золоте, белой девушке и желтой лихорадке?

– Помню, – перестав улыбаться, сказал Бангок.

– Так вот, в этом же роде.

– В этом же роде! Хорошо, слушай, Ингер: я расскажу тебе о дьяволе Оранжевых Вод.

Глаза Ингера блеснули жадным огнем.

– Это что-нибудь дух захватывающее? – вскричал он.

– Нет, это действительное происшествие, – сказал Бангок.

– А дьявол?

– Слушай и суди сам.

¹ Феминизм – общее название течений в женском движении за равные с мужчинами права.

I. Встреча с дьяволом

– Это было тогда, Ингер, когда я не только еще не командовал яхтой твоего отца, но даже не был моряком по профессии. Молодой, проворный и дерзкий, я смотрел на все дела под солнцем с точки зрения удачи и любопытства.

В 1892 году ехал я из Австралии в Китай на «Кассиопее» Фица и комп. Обладая прямым характером, я на все вопросы помощника капитана заявил сразу, что билета у меня нет. Разговор этот произошел спустя сутки после отплытия «Кассиопеи». До тех пор мне удавалось увильнуть от контроля. Я ехал, разумеется, в третьем классе. Разговор произошел вечером; зная, что меня ссадят в ближайшем порту, я перестал думать об этом, отошел к борту и закурил, рассматривая звездное небо.

Пока я стоял, размышляя, украсть ли мне бриллиантовые глаза Будды в Богоре, сделаться шулером или поступить в волонтеры,² – человек, склонившийся через борт на некотором от меня расстоянии, выпрямился и подошел ко мне, говоря:

– Что же нам делать?

Не отвечая, я пристально осмотрел его с головы до ног, чтобы знать, с кем имею дело. Но в этот раз мои наблюдатель-

² Волонтер – доброволец, лицо, добровольно поступившее на военную службу.

ность и опыт дали осечку: я, как был, так и остался в недоумении относительно личности незнакомца. Он был одет в грязнейший пиджачный костюм; вместо жилетки пестрела ситцевая рубаша, на ногах были высокие сапоги, а русые, цвета подгнившей пеньки, волосы прикрывала черная фетровая шляпа. Еще следует упомянуть, что ситцевая рубашка, выпущенная поверх брюк, была подпоясана шнурком с малиновыми кистями. Исхудалое, скуластое лицо этого человека, вздернутый, усеянный веснушками, нос, редкая борода, усики, глубоко запавшие бесцветные глаза – производили неизгладимое впечатление. Длинные, лоснящиеся волосы его, кое-как подстриженные сзади ушей, лежали веером на воротнике пиджака. Незнакомец был высок, тощ, сутул и обладал пронзительным голосом.

– Что делать вам? – сказал я. – По всей вероятности, вам это известно лучше, чем мне. А относительно себя я придумаю что-нибудь.

– Нет, – торопливо заговорил он, жестикулируя и назойливо улыбаясь, – вы, вероятно, не поняли; я хочу сказать, что я тоже безбилетный, что мы, так сказать, товарищи. Вот я и предлагаю вам коллективно обсудить положение. Я, позвольте представиться, русский, Иван Баранов, эмигрант политический.

– Очень хорошо, – сказал я, – мое имя Бангок, я – никто. Он смигнул, приняв мой ответ за шутку, и рассмеялся.

– Нас высадят? – спросил, помолчав, Баранов.

– Конечно.

– Где?

– В первом порту.

Он замолчал; я не поддерживал разговор, и мы разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Я лег на товарных ящиках; у меня было спокойное, ровное и бодрое настроение; я знал, что рано или поздно жизнь попадет в мои цепкие лапы и я выжму из нее все, что смогу. Я заснул. Меня разбудило прикосновение к голове. – Подите к черту! – закричал спросонок. Кто-то сел возле меня на ящик, тяжело вздохнул и окончательно разбудил меня; я поднял голову.

В глубине океана блеснул слабый утренний свет, через несколько минут должно было взойти солнце. Раздосадованный, я грубо спросил:

– Что нужно?

– Послушайте... не сердитесь, – тихо заговорил Баранов, – мне стало тяжело, страшно, я не мог спать... потребность поговорить...

Он курил папиросу. Я с изумлением посмотрел на него. Лицо Баранова подергивалось, голос срывался, руки дрожали...

– Вы больны? – спросил я.

– Нет... то есть... это странное состояние. Сейчас мне захотелось подойти к борту и прыгнуть вниз.

– Почему?

– Слушайте, – быстро заговорил он, – разве вы не чувству-

ете? Вы плывете куда-то на большом, чужом пароходе, по чужому морю, кругом ночь, тишина, звезды, все спят. Понимаете? Человек трагически одинок. Никому нет ни до кого дела. Каждый занят своим. Сложная, огромная, таинственная, нелепая и жестокая жизнь тянет вас – куда? Во имя чего? Для какой цели? Я это почувствовал сейчас в тишине спящего парохода. Зачем я? Кто я? Зачем жить?

Я слушал, совершенно не понимая, что нужно от меня этому человеку. Он же продолжал говорить, закуривая все новые и новые папиросы, – о человечестве, борьбе классов, идеализме, духе и материи, о религии и машинах, все в том же убийственно безнадежном тоне, и я заметил, что все его разглагольствования лишены центра, основной идеи и убеждения. Он говорил, как бы наслаждаясь звуками собственного голоса; смысл его речи можно было уложить в трех словах: уныние, недоумение, трепет. Равнодушный вначале, я слушал, изредка лишь роняя: «да», «нет», «возможно». Горячность Баранова даже рассмешила меня. Потом я испытал особый род нетерпения, выразившегося в желании свистнуть, ударить кого-нибудь по уху или закричать; затем мне без всякого к тому повода стало грустно, и, наконец, заныло в спине. Я слушал, не будучи в силах прервать странное оцепенение, похожее на дремоту, навеваемую вампиром, дремоту сладкую и противную, как запах дурмана.

Баранов замолчал. Последние слова его были: – Да, кисло, противно все, ходишь как в воду опущенный.

Он встал. Я с ужасом ожидал продолжения.

– Мы поговорим еще, – в виде утешения произнес он, взял мою руку и вяло пожал ее. Я притворился уснувшим. Он ушел, а над горизонтом, вызолотив пароход и водяную рябь, сверкнул диск.

II. Твердая под ногами земля

До высадки я его не видал. В 10 часов утра показался Порт-Мель – место, в котором, как объяснил мне матрос, будут выгружать рельсы для боковой ветки синнигамской дороги.

«Кассиопея» подошла к берегу. На глинистой отмели стояла кучка туземцев и человек пять европейцев. Несколько свай, с наколоченными поверх них мостками, изображали пристань. Далее виднелась свеженаметенная насыпь, груды шпал и несколько дощатых строений.

Я, разумеется, не стал ждать, когда мне, с помощью более или менее грубых приемов, дадут понять, что путешествие мое морским путем кончено. Небрежно заложив большие пальцы своих праздных рук в верхние карманы жилета, я засвистал прощальную песнь моряков: «Будь проклят берег без воды и пищи», – и сошел на твердую землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.